

Т. Н. Ломтев. Основы синтаксиса современного русского языка. — М., Учпедгиз, 1958. 166 стр.

Всеми работающими в области синтаксиса русского языка живо ощущается необходимость коренного пересмотра основных положений этой науки. Выход в свет за последние годы нескольких специальных работ по русскому синтаксису¹, так или иначе разрешающих отдельные синтаксические проблемы, вместе с тем наглядно показал, насколько спорно их решение — касается ли это учения о словосочетании, вопроса о второстепенных членах предложения, теории простого и сложного предложения или других. Поэтому понятен тот интерес, который вызвала работа Т. Н. Ломтева «Основы синтаксиса современного русского языка», где автором ставятся основные вопросы синтаксиса и делается серьезная попытка их разрешения.

Т. Н. Ломтев не кладет в основу своей синтаксической теории то или иное из существующих в этой науке направлений. Стараясь быть свободным от влияния каких-либо грамматических школ, он стремится построить такую теорию русского синтаксиса, которая соответствовала бы основным глосеологическим принципам философского материализма. Последний, указывает автор, исходит из предпосылки, что «наука познает субстанцию явлений, объективными свойствами которых определяются их соотношения между собой» (стр. 7). «Субстанцией синтаксических явлений выступает то, для чего они служат в процессе обмена мыслями и что дает им жизнь как фактам языка» (стр. 8); «...синтаксические единицы неразрывно связаны с единицами сообщения..., природа синтаксического факта зависит от назначения его в акте мысли в качестве единицы сообщения в процессе обмена мыслями» (стр. 8).

Автор упрекает сторонников как «логического», так и «формального» направления в синтаксисе в том, что, стремясь к познанию сущности, или субстанции, синтаксических явлений, они усматривают их «в разных несинтаксических явлениях» (стр. 3). Лингвист-материалист должен изучать не отдельные языковые факты: целью лингвистического исследования является познание объективных свойств реальных фактов языка и их соотношений, т. е. системы языка. Система же языка —

не за пределами ее реализации, а в самом языковом процессе как выражение закономерных связей элементов языка. «Познание сущности явлений данного лингвистического ряда невозможно без выхода за пределы этого ряда» (стр. 7). Так, субстанцию элементарной морфологической единицы следует усматривать в структурной модели слова, субстанцию слова (точнее, словесной формы) — в элементарной синтаксической единице, субстанцию элементарной синтаксической единицы — в позиционной модели предложения.

Автор упрекает представителей «традиционного» языкознания в том, что они, «скорее не понимавшие, чем отрицавшие роль понятия системы языка в лингвистических исследованиях, изучали синтаксические явления в порядке непосредственного наблюдения, с помощью языкового чутья: они делали умозаключение об отдельном элементе языка с недостаточным учетом его связей и соотношений с другими элементами языка. Практически они ограничивались отдельным контекстом, данным в непосредственном наблюдении» (стр. 9). Этим объясняется, по мнению автора, то, что «исследователь этого направления» признавал наличие в сложном предложении *Пошел дождь, и я возвратился домой* причинно-следственных отношений между его частями. По мнению автора, «основным способом изучения синтаксических фактов является познание их системных отношений в историческом развитии в связи с их назначением в процессе взаимопонимания» (стр. 11).

Т. Н. Ломтев считает, что «в настоящее время наиболее актуальное значение имеет противопоставление глосеологических концепций в языкознании, основанных на теории познания логического позитивизма, и диалектического материализма» (стр. 12). Решительно отвергая положение сторонников логического позитивизма, лежащего в основе лингвистического направления, которое известно под названием структурализма, о том, что факты должны рассматриваться только в одном однородном ряду, автор утверждает, что «теория, объясняющая те или другие лингвистические явления, не может опираться на однородный ряд этих явлений» (стр. 14). В частности, «грамматическая теория, чтобы объяснить грамматические явления, должна опираться не на однородный грамматический ряд, а на такое внутренне противоречивое единство, в котором грамматические явления представляли бы только одну сторону этого единства» (там же). Согласно тому же принципу, и «синтаксическая теория должна опираться на такое единство, в котором синтаксический ряд должен представлять только одну сторону этого единства» (там же). Эта «одна сторона» — материальная сторона лингвистической единицы, «другая» сторона — «сущность» ее. «Познание сущности лингвистических единиц осуществляется путем истолкования данного явления в терминах и понятиях высшего плана» (стр. 15) — плана сообщения.

Каковы же основные синтаксические

¹ См.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1 и 2, М., Изд-во АН СССР, 1954; «Современный русский язык. Синтаксис», Изд-во МГУ, 1957 [обл. 1958]; Е. М. Галкина-Федорук, Р. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык. Синтаксис, М., 1958; «Исследования по синтаксису русского литературного языка. Сб. статей», М., Изд-во АН СССР, 1956. Следует отметить также некоторые новые работы по синтаксису других славянских языков, например: «Дослідження з синтаксису української мови», Київ, 1958; F. Korešný, Základy české skladby, Praha, 1958.

единицы и как они должны быть определены в отношении материальной их стороны и их сущности? Их две: 1) элементарная синтаксическая единица — позиция, занимаемая той или иной «словесной формой»; материальным ее воплощением является «словесная форма», сущностью ее — единица сообщения; 2) высшая синтаксическая единица — предложение; его материальным воплощением является структура позиций, занимаемых в нем данными «словесными формами». На вопрос о том, что является сущностью предложения, мы прямого ответа не находим, а на стр. 43 читаем, что «со стороны своего назначения в акте общения оно — результат творческой деятельности, а не воспроизведения» готовых единиц, каковым является его структурная модель.

Таковы, в очень сжатом изложении, исходные теоретические предпосылки автора, на которых далее строится синтаксическая система современного русского языка. Можно ли считать эти предпосылки бесспорными и достаточными для разрешения задачи, поставленной перед собой автором?

Хотя в начале книги нигде нет прямого указания на предмет синтаксиса, но из всего, что говорится в вводных главах, можно заключить, что синтаксис — это учение о синтаксических единицах. Высшей синтаксической единицей автор считает предложение, давая ему следующее определение: «Предложение, состоящее из разных словесных форм, представляет собой структуру позиций, которые занимают в нем данные словесные формы» (стр. 44). Низшей, или элементарной, синтаксической единицей автор считает позиционное звено предложения, занимаемое той или иной словесной формой. Словесной формой, по определению автора, является «единица внутрисловесного противопоставления, т. е. единица парадигматического отношения внутри одного отдельного слова» (стр. 17).

Т. П. Ломтев неоднократно и категорически отвергает положение о том, что одним из объектов синтаксического исследования являются члены предложения, обосновывая это тем, что «член предложения — смысловая, а не лингвистическая и тем самым не синтаксическая единица» (стр. 29). Можно согласиться в этом с автором, если иметь в виду то, как учение о второстепенных членах предложения обычно излагается в синтаксических работах по русскому и другим языкам вплоть до настоящего времени¹. Но если под членами предложения разуметь те «словесные формы», которые в своей совокупности образуют «позиционную модель» предложения, то почему бы не пользоваться этим более простым и общепонятным термином? Это означало бы, что предметом синтаксиса является учение о предложении и его членах.

¹ Критическое рассмотрение этого вопроса см. в моей статье «К учению о второстепенных членах предложения в русском языке», ВЯ, 1957, № 2.

Автор возражает также против того, что синтаксис должен заниматься учением о словосочетаниях, неоднократно мотивируя свою точку зрения тем, что у сторонников такого понимания предмета синтаксиса все дело сводится к инвентаризации разных типов словосочетаний по морфологическим признакам членов словосочетания и к указанию грамматических значений словосочетаний. Можно и в этом случае согласиться с автором, если иметь в виду такой метод описания (впервые примененный в нашей синтаксической литературе М. Н. Петерсоном²), когда, например, значение словосочетания *шить лодку* формулируется как «действие и орудие или средство, при помощи которого оно совершается», а *ночью сделаться таинственно* — как «действие и время, когда оно совершается» (стр. 82) и т. п. Но если подойти к словосочетанию (имеются в виду так называемые свободные словосочетания и не лексикализованные, как, например, *железная дорога*) как к объединению знаменательных слов в одно синтаксическое целое по правилам, установившимся в данном языке, и изучать синтаксические отношения между его членами, т. е. отношения между ними как определенными частями речи в определенных формах, то такое изучение не может не быть предметом синтаксиса.

По существу все учение о позициях словесных форм в структуре предложения, содержащееся в рецензируемой книге, представляет собою не что иное, как учение о словосочетаниях — в одних случаях в их отношении к предложению, в других — вне их отношения. В самом деле, когда автор, критикуя положение дескриптивистов (конкретно имеется в виду Г. Глисон, автор «Введения в дескриптивную лингвистику») о «непосредственно составляющих», утверждает, что морфема имеет свое назначение в слове, а словесная форма — в предложении (стр. 28), то он явно обходит важное звено между словом и предложением — словосочетание. То же — когда он рассматривает отдельные словосочетания, например на стр. 31; он здесь пишет: «Словосочетание *читал книгу* состоит из двух форм, каждая из которых имеет свое особое назначение в предложении: первая обозначает действие, а вторая — объект, на который переходит это действие». Но разве *читал книгу* — предложение? И с точки зрения синтаксических отношений между членами данного и подобных словосочетаний, да и таких словосочетаний, как *он читает* (приводимого тут же), несущественно, являются они или не являются предложениями, этот вопрос — другого рода, он относится к учению о предложении, которое может представлять по своему составу и словосочетание, и объединение словосочетаний, но также и одно слово.

Говоря о том, что, «определив одни позиционные звенья структуры предложе-

² См. М. Н. Петерсон, Очерк синтаксиса русского языка, М.—П., 1923.

ция, мы тем самым предопределяем характер других звеньев позиционной структуры того же предложения» (это положение развито подробно на стр. 44—46), автор оговаривается, что «не все отдельные словесные формы могут предполагать модели предложения. Так, атрибутивные части речи входят только в атрибутивные словосочетания и могут предполагать только модели атрибутивного словосочетания, а не предложения». Это, конечно, верно, но верно и то, что, сказав, например, *подарил игрушку* (словосочетание, а не предложение) и дополнив это высказывание словом *сыну* (потому что употребили глагол *подарить*), мы все еще остаемся в сфере словосочетания: наряду с *подарил игрушку* образуем новое словосочетание *подарил сыну*.

Таким образом, приходится констатировать, что автор, неосновательно отвергнув учение о словосочетании как один из объектов синтаксического исследования, сам фактически занимается проблемой словосочетания, но без системы, не различая при этом предложения и словосочетания.

Обратимся к главному положению книги. Упрекая представителей «логического» и «формального» направлений в грамматике в том, что они при истолковании синтаксических фактов выходили за пределы синтаксического ряда, автор, как в этом нетрудно убедиться, и сам выходит за пределы грамматики, когда доходит до анализа предложения. В самом деле, если, отыскивая субстанцию «высшей фонетической единицы» — фоисмы, он находит ее в высшей морфологической единице — морфеме, а отыскивая субстанцию высшей морфологической единицы — словесной формы, он находит ее в элементарной синтаксической единице — позиции словесной формы в структуре предложения, то где он может рассчитывать отыскать субстанцию высшей синтаксической единицы — предложения?

Ставя перед собой этот вопрос, автор пишет: «Сущность его (предложения. — Г. Ш.) может быть познана только через высший план. Необходимо установить, что следует за предложением как коммуникативной единицей» (стр. 53). Ясно, что «высший план», о котором идет речь, лежит уже за пределами грамматики, так как предложение является высшей грамматической единицей. И вот что мы читаем тут же: «План сообщения должен быть дифференцирован как сторона более широкого единства, и должна быть указана другая сторона (т. е. субстанция, сущность, назначение. — Г. Ш.) этого единства. Таковой стороной является категоральная сторона единиц сообщения, т. е. логическая структура, куда входят такие понятия, как субъект, предикат, объект, атрибут и т. п.». Иначе говоря, предложение «упирается» здесь в суждение с его субъектом и предикатом, а заодно (чего уже логика не знает) и в понятие объекта, атрибута, обстоятельства. И получается, что, пройдя довольно сложный путь рассуждений, автор пришел все к тем же поня-

тийным категориям, которые характеризуют так называемую логическую грамматику. А если присоединить к этому то, что автор фактически занимается и анализом словосочетаний, в которых его интересуют лексико-синтаксические функции (по его терминологии, позиции) подчиненных членов, то вся излагаемая им теория оказывается эклектичной и не открывающей новых горизонтов в синтаксической науке.

Эклектизм основных положений книги не мог не сказаться и на разработке частных проблем, и на определении важнейших синтаксических понятий. Остановлюсь лишь на некоторых.

1. Т. П. Ломтев правомерно ставит вопрос о том, что одна и та же словесная форма подчиненного члена словосочетания при одном и том же подчиняющем члене может выполнять не одну, а различные функции (по терминологии автора, занимать различные позиции). Так, одна и та же форма твор. падежа в одном случае обозначает время (ср. *писал днем*), в другом — орудие (ср. *писал пером*) (стр. 48). Указывается, что причиной этого являются различия в лексико-грамматических значениях существительных. Это верно: *день* обозначает временное понятие, а *перо* — предмет, могущий быть орудием действия. Но здесь нет никакого различия в грамматической стороне этих слов, ведь «словесная форма» у них одна и та же. Вслед за этим рассматриваются и сравниваются словосочетания *почернел от копоти* и *черный от копоти* (стр. 49). В первом из них подчиняющий член выражен глаголом (*почернел*), во втором — прилагательным (*черный*), т. е. разными частями речи, а подчиненные члены обоих словосочетаний — одним и тем же предложноподлежащим сочетанием (*от копоти*).

Автор утверждает, что это предложноподлежащее сочетание представляет собою «две разные синтаксические единицы, так как оно в двух случаях употребляется при разных частях речи» (стр. 49). Здесь, по его мнению, решающую роль играют не лексические значения слов, образующих словосочетания, а грамматические формы подчиняющего члена. Автор пишет: «При глаголе *почернел* это сочетание указывает на то, что копоть является причиной того действия, которое обозначено глаголом. При имени прилагательном *черный* оно указывает на то, что копоть является источником качества, которое обозначено именем прилагательным» (стр. 49). Но если принять во внимание, что *почернел* означает «приобрел качество, именуемое *черный*», то разве нельзя и в первом случае признать, что копоть является источником качества, приобретенного кем-то, и, наоборот, во втором — признать, что копоть является причиной той-то черноты? Таким образом, различие, устанавливаемое здесь автором, не что иное, как игра словами «причина» и «источник». Между тем от лексических

различий слов, образующих словосочетания, как это мы видели в примерах *писал днем и писал пером* и как можем видеть во многих других подобных, действительно зависят «позиции» тех или иных членов словосочетаний (орудие, время, пространство и пр.). Эти «позиции», иначе функции, потенциально заключены уже в самом лексическом значении слова, взятого в определенной форме, и лишь проявляются в словосочетании, где данное слово вступает в связь с другим словом, имеющим то или иное лексическое значение и также взятым в определенной форме. При этом в одних случаях решающее значение имеют лексическое значение и грамматическая форма только подчиненного члена словосочетания, в других — лексическое значение и грамматическая форма обоих членов. Примером для случаев первого рода могут служить уже рассматривавшиеся словосочетания *писал днем и писал пером*, для случаев второго рода — приведенные автором, но неправильно им истолкованные *проработал всю ночь* и *проработал всю главу*: здесь лексические различия не только в словах *ночь* и *глава*, но и в подчиняющих членах — омонимах (*проработал*), которые автор почему-то считает одним и тем же глаголом.

Очень важно отметить, что когда речь идет о позициях словесных форм в словосочетаниях, то фактически имеются в виду функции подчиненных членов. Когда, например, подчиненным членом словосочетания является прилагательное, согласованное с подчиняющим членом — существительным, оно всегда, совершенно независимо от его лексического значения, указывает на признак предмета, обозначенного существительным. Когда подчиненным членом словосочетания является глагол в «спрягаемой» форме, относящийся к существительному в им. падеже, он всегда, независимо от его лексического значения, обозначает «действие», производимое предметом, который назван существительным. Иное дело — в словосочетаниях с подчиненными членами — именами в косвенных падежах без предлогов и с предлогами, с наречиями и деепричастиями.

Но если позиция словесной формы определяется не только формой соответствующего слова, но и лексическим его значением, то необходимо установить определенные классы или разряды этих лексических значений. Лишь при этом условии возможно отыскать какие-то закономерности в области «занимания» членом словосочетания той или иной «позиции» в структуре последнего, иначе перед нами будет бесконечное количество слов — каждое со своим индивидуальным лексическим значением, — а закономерностей никаких установить не удастся. Автор временами приближается к постановке этой проблемы, однако не указывает путей ее разрешения. Так, на стр. 52 он пишет: «Лексико-грамматические свойства слов (уместнее было бы говорить особо о лексических «свойствах» слов. — А. Ш.) представляют собой свойства разрядов слов.

Они выявляются категориальным, а не индивидуальным противопоставлением: противопоставление *белеть* и *белить*, *чернеть* и *чернить*, *синеть* и *синить* является объективным фактом, не зависящим от синтаксиса». В скобке к этому месту говорится, что ряд *белеть*, *чернеть*, *синеть* «включает глаголы, обозначающие изменение предмета (объекта) по признаку, указанному корневой морфемой глагола», а ряд *белить*, *чернить*, *синить* — «глаголы, обозначающие изменение предмета (субъекта) по тому же признаку»¹. Но ведь эта попытка классифицировать глаголы по лексическому значению охватывает очень незначительное количество слов. Существуют, как известно, еще некоторые небольшие по лексическому составу классы: глаголы «движения», глаголы «восприятия» и т. п., однако значительное большинство глаголов остается вне какой-либо классификации. Что касается существительных, то вряд ли вообще возможна такая классификация их по лексическим значениям, которая могла бы быть использована для построения системы «позиций» словесных форм в структуре словосочетания.

Гораздо важнее, однако, разобратся в основном вопросе: являются ли все такие намечаемые автором «позиции», как «орудие», «время», «причина» и подобные им, подлинно синтаксическими? Все, правда, зависит от того, что считать предметом синтаксиса, а на этот вопрос, как уже сказано выше, мы прямого и точного ответа в рецензируемой книге не находим. Признавая, что в словосочетании *писал пером* и подобных словесных форм *пером* занимает позицию «орудия», а в словосочетании *любовался пером* та же словесная форма занимает позицию «делиберативного объекта», автор в конечном счете оказывается стоящим на той же позиции, что и осуждаемые им составители соответствующих разделов «Синтаксиса русского языка» АН СССР и «Синтаксиса» МГУ. Еще отчетливее выступает «несинтаксичность» признания того, что позицию «времени», «места» и т. п. занимают в структуре словосочетания такие наречия, как *вчера*, *рано*, *далеко*, *рядом* и подобные им, являющиеся словами «бесформенными» со значениями временными, пространственными и т. п. Как бы мы ни формулировали свою мысль относительно словосочетаний типа *уехал вчера*, *уехал далеко* и т. п., — скажем ли, что здесь временные, пространственные и т. п. отношения, или что *вчера*, *далеко* выполняют временные или пространственные функции, или что словесные формы *вчера*, *далеко* и т. п. занимают позицию времени, места и т. п., — все равно ничего синтаксического в этих формулировках не будет. Другое дело, что такие слова, как *вчера*, *далеко* и им подобные (т. е. наречия), как *угодя*, *приблизившись* и т. п.

¹ Здесь, по-видимому, ошибка по недосмотру автора: в первом случае нужно было сказать «субъекта», а во втором — «объекта».

(т. е. дескриптивная), как *писать*, *записать* (т. е. инфинитивы), могут образовывать — в качестве подчиненных членов — словосочетания только со словами, принадлежащими к тем, а не к иным частям речи. Но это особая проблема, пограничная между лексикой и синтаксисом, — проблема, ожидающая своей постановки и разрешения применительно к русскому и многим другим языкам.

2. Третья глава книги посвящена некоторым общим вопросам синтаксической структуры предложения. Прежде всего здесь обращает на себя внимание, как и в предыдущих главах, неразличение того, что относится собственно к предложению и что относится к словосочетанию. И в определении зависимых и независимых позиций словесных форм, и в определениях нетождественных и тождественных позиций, и в целом ряде других случаев автор оперирует словосочетаниями и членами словосочетаний, а не предложениями и членами предложений. Что касается существа содержания этой главы, то естественно желание выяснить, что в ней нового и оригинального по сравнению с традиционным синтаксисом.

Деление позиций словесных форм на зависимые и независимые — это то же, что деление членов словосочетания на подчиненные и подчиняющие. Автор устанавливает деление словесных форм на тождественные и нетождественные. Однако разные словесные формы, обслуживающие разные части речи, занимают нетождественные позиции; так, например, в словосочетаниях *были под Сталинградом* и *битва под Сталинградом* предположительно надежное сочетание *под Сталинградом* занимает нетождественные позиции. Зависимые позиции словесных форм, не являющихся разными формами одного слова, могут быть нетождественными и тождественными. Так, *от дочери* и *для дочери* в словосочетаниях (автор в данном и других подобных случаях употребляет не термин «словосочетание», а слово «выражение» — конечно, менее точное) *подарок от дочери* и *подарок для дочери*, с его точки зрения, занимают нетождественные позиции, а словесные формы *дочери* и *дочери* в словосочетаниях *платок дочери* и *дочери платок* занимают тождественные позиции. Нет никакой возможности изложить здесь — даже вкратце — содержание всего этого раздела, но уже из приведенного ясно, что под тождественными и нетождественными позициями скрывается не что иное, как учение о членах предложения в его традиционном содержании.

Раздел «Однородные и неоднородные позиции словесных форм» в основном своим содержанием ничем не отличается от обычного учения об однородных членах предложения. Ср. начало этого раздела: «Словесные формы, не связанные между собой (иначе — не образующие словосочетания. — А. Ш.), образуют группу, если каждая из них относится к одной особой словесной форме. Позиции группы сло-

весных форм являются однородными, если каждая из этих словесных форм связана с одной словесной формой, находящейся в данной группе, и если каждая из них имеет к ней одинаковое отношение, например *они читали книги, газеты, журналы* (стр. 72—73). Чем эта формулировка отличается по содержанию от следующей, значительно более простой: «Знаменательные слова, не образующие словосочетаний, образуют группу, если каждое из них связано с знаменательным словом, не входящим в данную группу, и имеет к нему одинаковое отношение»?

Раздел «Полнозначные и неполнозначные позиции словесных форм» содержит в себе обычное деление слов на знаменательные и служебные, или, по Фортунатову, на полные и частичные. И самые признаки, характеризующие слова того и другого разряда, ничего нового собою не представляют. Но здесь недоумение вызывает то, что предлоги и союзы именуются, наряду со словами знаменательными, словесными формами. Это никак не согласуется с приведенным выше определением словесной формы и сводит на нет самое это понятие, представляющее собою известную ценность среди других синтаксических понятий, которыми автор оперирует в данной книге. Ведь ни о каком внутрисаггративном противопоставлении по отношению к предлогам, союзам, многим наречиям (например, *вперед*, *сегодня*, *навзничь*), частицам и т. п. не может быть речи, следовательно, они — не словесные формы. Словесные формы, таким образом, становятся дублетом к термину «слово».

Раздел «Главные и второстепенные позиции словесных форм» содержит в себе традиционное учение о главных и второстепенных членах предложения.

3. Четвертая глава книги, именуемая «Классы полнозначных позиций словесных форм в позиционной структуре предложения» — это по существу учение о членах предложения, главных и второстепенных. Здесь уже отчетливо устанавливается соответствие между членами предложения и членами логического суждения. Вот что мы читаем на стр. 79: «Наука о языке испытывает в настоящее время острую потребность в установлении правильных отношений области синтаксических исследований к области учения о субъекте и предикате... Традиционная грамматика признает наличие членов суждения также в предложении...¹ Было обращено внимание на то, что члены суждения — субъект и предикат — имеют общечеловеческий характер; структура суждения одинакова у всех народов; между тем словосочетания, выражающие суждение и его члены, разные в разных языках... Структура членов суждения действительно имеет общечеловеческий характер. Грамматические же средства в каждом национальном языке самобытны

¹ Это утверждение, выраженное в такой общей и категорической форме, вряд ли соответствует действительности.

Однако грамматические средства служат не сами для себя, а для обмена мыслями в целях достижения взаимопонимания. Если единство субъекта и предиката представляет собой модель суждения, или выражения определенной мысли, то она не может быть безразличной для характера тех позиций, которые занимают в предложении отдельные словесные формы». И в конце концов получается, как и в «логической» грамматике, что подлежащее соответствует (по терминологии автора, «соотносится») субъекту, а сказуемое — предикату логического суждения. Ср.: «Грамматические функции словесных форм в позиции сказуемого заключаются в соотношении с предикатом... Грамматические функции словесных форм в позиции подлежащего заключаются в соотношении с субъектом...» (стр. 79).

Нисколько не меняют существа дела и дальнейшие рассуждения автора о том, что субъект и предикат не являются единицами сообщения, так как они — не лингвистические, а логические понятия; что единицами сообщения являются подлежащее и сказуемое: ведь и в «логической» грамматике субъект и предикат не считались членами предложения а членами предложения (в данном случае подлежащим и сказуемым) считались слова, выражавшие субъект и предикат логического суждения.

Вслед за вопросом о подлежащем и сказуемом рассматриваются, под углом зрения соотношения с последними, разные виды односоставных предложений. Автор анализирует безличные, обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения, исходя из предпосылки, что все эти виды предложений могут быть осмыслены только на фоне повествовательных двусоставных предложений. Поэтому главные члены односоставных предложений он считает в одних случаях сказуемыми (например, *градом побило рожь, просят не курить*), в других (номинативных) — подлежащими. Хотя вопросительные и восклицательные предложения и не выражают логического суждения, они также содержат в своем составе подлежащее и сказуемое, так как «само их функционирование исходит из предпосылки наличия повествовательных двусоставных предложений» (стр. 84—85). Конечно, все это очень спорно и вряд ли приемлемо.

Остальная часть данного раздела, в которой рассматриваются прилагательные, присустановительные и приаждательные позиции словесных форм, представляет собой анализ словосочетаний, в которых подчиняющим членом являются либо глагол, либо существительное. Ничего нового по существу, по сравнению, например, с соответствующими разделами «академического» синтаксиса, здесь нет. На отдельных спорных или явно неверных утверждениях автора останавливаться нет ни возможности, ни особой надобности.

4. Глава пятая посвящена классам полнозначных позиций, иначе говоря — служебным словам. По сравнению с тра-

диционным синтаксисом здесь служебных слов больше: прибавлены корреляты и сюда же отнесены вводные слова. В отношении предлогов, союзов, частиц и связей яичего оригинального и нового нет, если, конечно, не считать формулировок, иногда только громоздких, иногда же просто непонятных. Пример громоздкой формулировки: «Назначение словесных форм и позиции предлогов заключается в том, чтобы указывать зависимые позиции субстантивных словесных форм при словесных формах в независимой позиции» (стр. 106). Это означает: «Предлог указывает на отношение между подчиненным членом словосочетания, выражающим существительным, и подчиняющим членом того же словосочетания». Пример формулировки, которую трудно понять (даже тому, кто прочитал предшествующие страницы книги): «Напомним, что разные полнозначные позиции занимают разные формы одного слова только по отношению к словесным формам в независимых позициях, но по отношению к словесным формам в зависимых позициях они сохраняют тождество позиций, ср. *вижу сестру Петра, нет сестры Петра, занят сестрой Петра*. Тождество этих позиций объясняется тем, что все указанные формы являются формами одного слова» (стр. 110). Что поясняют приведенные примеры? Очевидно, имеются в виду формы *сестру, сестры, сестрой*. Эти три слова относятся соответственно к словам *вижу, нет, занят*, которые, согласно сказанному в первом разделе главы третьей (стр. 67), являются словесными формами в независимых позициях и, следовательно, «занимают разные полнозначные позиции». Почему же автор утверждает, что в данном случае эти формы занимают тождественные позиции? Если он считает, что тождество позиций здесь объясняется тем, что эти три формы слова *сестра* относятся к одному и тому же слову *Петра*, занимающему зависимую позицию, то он глубоко заблуждается, так как в тождественных словосочетаниях формы слова *сестра* являются не подчиненными, а подчиняющими членами, — в таком случае автор придает слову «относится» иное, по сравнению с принятым в синтаксисе, значение и тем самым запутывает читателя.

Очень сомнительно различение местоимения *то* (имеющего обобщающее значение) в таких предложениях, как *Проняло то, что осталось от отца* или *Видела то, что осталось от отца*, и формы местоимения *тот* и *та* в предложениях типа *Я тот, кого никто не любит, Я та, которая все знает*. Автор считает, что в предложениях первого типа *то* не может рассматриваться как подлежащее или дополнение, так как последние являются единицами сообщения (если бы на месте *то* было *добро*, то оно, как слово с конкретным лексическим значением, было бы единицей сообщения и, тем самым, — подлежащим или дополнением); роль же местоимения *то* как слова, не имеющего конкретного значения, сводится только к ука-

занию, какое положение придаточного занимает при глаголе главного предложения (в приведенных примерах, очевидно, — положение придаточного подлежащего и придаточного дополнительного). Это то автор считает «словесной формой в исполнозначной позиции» (иначе — служебным словом). Но ведь свойство всякого местоимения — только указывать на предмет или на признак. В одних случаях местоимения *тот, та, то* могут иметь более обобщенный, в других менее обобщенный характер; будучи субстантивированы, они могут указывать как на неодушевленные предметы, так и на одушевленные (это относится главным образом к формам мужского и женского рода и к форме мн. числа, хотя одушевленность возможна и при среднем роде, например: *То, что меня укусило, оказалось обыкновенным комаром*). Тот факт, что *то*, которое автор считает коррелятом, может опускаться, сам по себе еще ничего не доказывает: во-первых, это возможно далеко не во всех случаях (о чем и говорится на стр. 115); во-вторых, при известных условиях возможно опущение указательных местоимений *тот, та, то*, которые автор не считает коррелятами (ср.: *Кто все знал, ушел; Кому не нравится, может уходить; Уходит, кому не нравится*). Таким образом, учение о коррелятах в том виде, как оно трактуется автором, лишено серьезного основания.

Учение о «вводных выражениях» по существу ничем не отличается от традиционного положения, что вводные слова не являются членами предложения, а вводные предложения — составными частями сложных предложений. То же можно сказать и о четырех функциях вводных слов и предложений, устанавливаемых автором; эти функции полностью совпадают с теми, на которые указывает Пешковский (они приведены на стр. 119), с одной лишь чисто внешней разницей: у Пешковского две функции объединены общей формулировкой.

5. Следующие главы — шестая и седьмая — посвящены двум темам: типам простых предложений и некоторым особым конструкциям, входящим в состав простого предложения. Терминология автора, как и в других главах, более сложная: «Позиционные модели простого предложения по составу позиций» (гл. VI) и «Позиции особых конструкций в позиционной структуре предложения» (гл. VII). В первой из этих глав находим следующие типы предложений: распространённые и нераспространённые, слитные и неслитные. Указанные классификации основаны на рассмотрении приводимых примеров и целиком совпадают с соответствующими традиционными классификациями. В следующей главе рассматриваются сравнительные, инфинитивные, причастные и дееспричастные конструкции. И здесь также не находим ничего нового. Содержание указанных двух глав вызывает лишь отдельные, замечания не принципиального характера.

Можно было бы привести еще множество спорных мест, неверных утверждений

не только в последних главах, но и во всей книге. Но после того, что уже сказано, в этом нет надобности. Хотя не принято упрекать авторов за то, чего нет в их работах, но в данном случае нельзя не отметить, что автор обошел такие важные для синтаксиса понятия, как коммуникативная, предикативность, модальность, обособление, что совершенно отсутствует анализ сложных предложений. Как уже указывалось по поводу отдельных мест, книга написана чрезвычайно трудным языком. В ней очень много повторов, некоторые положения повторяются без всякой в том надобности по три, четыре и более раз (например, об элементарной синтаксической единице, о «потребностях» разных частей речи и др.).

Несмотря на то, что книга выпущена солидным издательством, она представляет собой печальный образец редакционно-издательской небрежности: перепутаны названия и нумерация глав; заголовки внутри глав не соответствуют содержанию текста; не устранены многочисленные опечатки.

Самым существенным недостатком книги является, однако, то, что в ней не решена поставленная автором задача — на основе критического рассмотрения традиционного синтаксиса изложить основы синтаксической теории применительно к синтаксису современного русского языка в соответствии с принципами философского материализма. За обновленной (и, надо сказать, малоудачной) терминологией мы без особого труда находим все тот же традиционный синтаксис с его принципиальной непоследовательностью, смешением понятий грамматических и логических, неразличением явлений синхронии и диахронии, отсутствием объективных критериев при квалификация языковых фактов и другими хорошо известными его слабыми сторонами.

А. Б. Шапиро

Сб. «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. 1. — Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1958. 245 стр. (Ин-т языка и лит-ры АН Казах. ССР).

История и диалектология казахского языка до сих пор остаются недостаточно изученными. В известной степени этот пробел восполняется недавно вышедшим из печати сборником статей «Вопросы истории и диалектологии казахского языка».

Разработке вопросов истории казахского языка посвящено четыре статьи. Ряд интересных наблюдений над фактами родного языка находим в небольшой статье ныне покойного С. А. Маманжолова, много сделавшего в области истории и диалектологии казахского языка¹. Исследуя вопрос о происхождении глаголов *отыр* и *тұр*, автор проследживает употребление того и другого глаголов (равно как и их фонетических моду-

¹ См., в частности: С. А. Маманжолов, Вопросы диалектологии и истории казахского языка, ч. 1. Алма-Ата, 1959.